М.Г. Кротов

ПОСЛАНИЕ ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА О СМЕРТИ ПАТРИАРХА ИОСИФА

(Этюд из исторической психологии)

Взаимоотношения царя Алексея Михайловича и патриарха Иосифа до сих пор не совсем ясны. Царь и патриарх расходились по ряду вопросов церковной политики весьма существенно [1], и личные их отношения, казалось бы, должны были быть далеки от идеала. Сохранилось, однако, послание Алексея Михайловича к Никону (еще митрополиту), написанное вскоре после смерти Иосифа 15 апреля 1652 г., [2] которое по видимости свидетельствует о горячей любви царя к покойному и содержит прямое опровержение царем слухов о намерении добиться отставки патриарха. Если доверять этому посланию, а не игнорировать его, то необходим основательный пересмотр характера связей между царем Алексеем Михайловичем, патриархом Иосифом и "ревнителями благочестия".

Впрочем, существует целый жанр русской средневековой литературы, произведениям которого можно дать обобщающее название "повестей о преставлении". "Послание" Алексея Михайловича по целому ряду признаков (о чем речь ниже) относится именно к этому жанру и должно быть рассмотрено в его контексте. Жанр

---

1. См.: Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. I. Сергиев Посад, 1909. С. 84-105.
2. См.: Собрание писем царя Алексея Михайловича. М., 1856. С. 156-179; также ААЭ. Т. 4. С. 75-87; Аполлос. Начертание жития и деяний Никона... М. 1845. С. 99-123.

этот почти не исследован. В.О.Ключевский считал такого рода произведения лишь подготовительными материалами для "полноценного жития" [3]. Лишь в 1986г. появилась статья М.Веретенникова, посвященная тем повестям жанра, которые связаны с Боровским и Волоколамским монастырями [4], причем автор отметил, что "художественный анализ произведений, их взаимодействие с произведениями других жанров древнерусской литературы . может быть впоследствии продолжен. Сам круг памятников при этом должен расширяться" [5]. Ниже будут описаны основные этапы в развитии жанра, пройденные к ХУП в., описаны вынужденно кратко и без доказательств, оставленных для отдельной работы.

Как вообще описание последних дней жизни могло стать самодостаточным сюжетом? Ответ лежит в общем духе литературы Средневековья. Подобно обществу, она была ориентирована на Евангелие как на высший авторитет. Для личности идеалом было "подобие" Христу (а в России и "преподобие") [6]. Отсюда и извест-

---

3. Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 221.
4. Макарий /Веретенников/. Памятники древнерусской литературы, содержащие описание последних дней земной жизни подвижников ХУ-ХУI веков. // Журнал Московской Патриархии. 1986. № 11. С. 68-75.
5. Там же, с. 70.
6. "Жизнь святых так или иначе всегда есть "подражание Христу". - Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981. С. 94.

ная ориентация агиографической литературы (конгломерата жанров, по отношению к которому термин "житие" является, по нашему мнению, слишком не точным) на Евангелие как авторитет литературный.

"Евангелие" же исключительное место уделяет описанию последних дней жизни и смерти Иисуса, причем с подчеркиванием ее позорного характера. Это ключевое событие "Нового Завета", поскольку смерть Иисуса предваряет воскресение, в смерти и через смерть выявляется уникальность его миссии. Апостол Павел, формулируя содержание "Евангелия", как второстепенное отбрасывает все чудеса и даже проповеди Иисуса: "Я первоначально преподал вам, что и сам принял, то есть, что Христос умер за грехи наши, по Писанию; и что Он погребен был, и что воскрес... А если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна" [7].

В Церкви ближайшим подобием Христа стали мученики, а первым жанром агиографической литературы стали описания их позорной, т.е. публичной, с приравнением к преступникам, с изощренными пытками смерти. Мартирии пришли на Русь вместе с христианством, и первым произведением русской агиографии является летописный рассказ о мученичестве киевских варягов. Жанр этот реализовался, однако, лишь в связи с нашествием монголов. Впрочем, мартирии Михаила Черниговского, Михаила Тверского и др. оказались написаны искусно, и не только потому, что перед авторами

---

7. I Послание к коринфянам, глава I5, стихи 3-4,I7.

были византийские образцы. Они творили с учетом особой, сугубо русской жанровой традиции.

"Житие Бориса и Глеба" (точнее, повесть об их преставлении) показало, что русская литература считает смерть решающим этапом жизни, а страдальческую смерть – проявлением святости, достаточным, чтобы не требовать страдания именно за христианскую веру. Из двух значений греческого "мартос" – "свидетель" и "страдалец" – акцент решительно ставится на последнем. Однако, при этом непременным условием было княжеское достоинство страдальца. То не был результат придворного подобострастия, а именно своеобразное толкование "Евангелия", когда уподобляются княжеское достоинство и царственность Иисуса. Ведь и Иисус – царь (небесный), и позорный характер его смерти принципиален, поскольку выявляет трансцендентность и несокрушимость этого царского достоинства. (Заметим здесь, что в православной, в том числе русской, литургике, центром которой является Пасха, существует обряд чтения в Великий Четверг "двенадцати евангелий" – своеобразной хрестоматии всех частей "Нового Завета", описывающих последние дни жизни Иисуса). Отсюда в повестях о преставлении князей (произведениях безусловно агиографической тональности), начиная с Бориса и Глеба, обязательно описывается кончина необычная, страдальческая, хотя бы просто от тяжелой болезни. Если в повести о преставлении Дмитрия Красного современный читатель видит лишь извращенный интерес к мучительной болезни, то для читателя средневекового эти муки были подобны мучениям царя Христа.

Линия этой ветви жанра достаточно пунктирна, но устойчива: XI век: Борис, Глеб, Ярополк Изяславич; XIII век: Владимир Василькович; XV век: Дмитрий Красный; XVI век: великий князь Василий Иванович; XVII век: Михаил Васильевич Скопин-Шуйский. Более чем вероятно, что до нас дошло далеко не все. Конечно, „Житие Бориса и Глеба" имело наибольшее хождение и вдохновляло на пополнение жанра.

Почти одновременно с этой возникает и другая жанровая ветвь: повести о преставлении монахов. Первая из них, посвященная Феодосию Печерскому, находится в "Повести временных лет". Расцвет их приходится на XV-XVI вв. (повести о преставлении Пафнутия Боровского, Данила Переяславского, Феодосия Новгородского, Макария Московского, Акакия Тверского). Как правило, это самостоятельные произведения. Постепенно повести о преставлении входят как обязательная часть в те "жития преподобных", которые Ключевский считал единственным "полноценным жанром" древнерусской агиографии.

Существенным отличием повестей о преставлении монахов - в сравнении с повестями о преставлении князей - является противоположная трактовка смерти, выбор для описания не позорной и мучительной кончины, а благообразной, умиротворенной. Это, конечно, не антитеза смерти Христа, а выявление другого аспекта "Евангелия": кончина монахов, порвавших с миром еще при принятии обета, уже "умерших" для мира, есть высшая реализация их отречения от "мира сего", блаженство вхождения в небесное царство. Это наглядно выявляется "от обратного": в повести о пре-

ставлении Иова Столпа, включенной в "Житие Евфросина Псковского", этот противник святого умирает смертью отвратительной и мучительной; и если в описании кончины князя то был бы признак святости, то здесь - греховности [8]. Символическое значение качества смерти здесь выражено прямо: "Видесте ж паче обоя борения, видесте обоих виновное и правое, видесте преподобнаго пресветлое начало, и светоносное житие, и дивен конец преставлению его, и чюден исход боголюбивыя душа его;! та же видесте начало, и житие, и конец Иеву Столпу". Смерть есть знамение: " Гневные пламы божиа правды без потухновения кротости воспаляхуся, и лук неутолим ярости его спеяшес/я/ и напрязашес/я/,и божественая стрела еего испущашес/я/ в притчю - тяжкое знамение всему миру. И посылается от бога извещение о вещи: люта рана и неисцельно зло на Иева Столпа, на хулившаго много преподобнаго Евросима" [9].

С другой стороны, когда в конце XVI века патриарх Иов описывал преставление царя Федора Ивановича, он подчеркнул ее блаженность и просветленность, что соответствовало главной его идее: уподобить царя монаху по духу.

Принципиально не выделяются из этой ветви жанра повести о преставлении епископов - ведь речь идет о тех же монахах, став-

---

8. См.: Памятники древней письменности и искусства. Т. 73. СПб., 1909. С. 54-64.

9. Там же, с. 64, 54-55.

ших во главе церковной иерархии.

Следует подчеркнуть, что повести о преставлении - произведения именно агиографической тональности, расценивающие своих героев как святых и требующие такой же оценки от читателя. Утверждая, что повесть о преставлении Пафнутия Боровского "не была памятником агиографии" [10], Д.С.Лихачев, к примеру, сужает круг агиографической литературы, сводя его, как в свое время и Ключевский, лишь к численно преобладающей форме "житий преподобных". Начиная с Ключевского существует и тенденция расценивать такие повести как произведения чисто документальные, репортажные. Даже если это справедливо (ниже мы постараемся показать, что оценка такой "документальности" должна быть осторожнее), следует помнить, что "смерть в то время /Средние Века - М.К./ представляла собой ритуал, организуемый самим умирающим, и в этой публичной церемонии ... умирающий играл активную роль" [11]. Сама реальная кончина стремилась стать произведением искусства. Наконец, повести о преставлении преподобных (и святителей) имеют целый ряд этикетных клише, причем клише эти пронизывают всё произведение, так что каждая повесть следует определенному канону. Основные из этих клише: а) знание героя о приближении смерти (часто по откровению свыше, иног-

---

10. Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С. 129.

11. Аросов А.Я. Реферат кн.: Ариес Ф. Человек перед лицом смерти. // Идеология феодального общества в Западной Европе: проблемы культуры и социально-культурных представлений средневековья в современной зарубежной историографии. М., 1980. С. 178.

да с точностью до часа); б) неупустительное и осмысленное причащение (и, соответственно, исповедь) перед смертью; в) поучение перед кончиной; г) легкость, благообразность и тихость "последнего издыхания"; д) просветление лица после смерти; е) нетление, а часто и благоухание тела усопшего.

Жанр таких повестей продолжался в XVII в., о чем свидетельствуют повести о преставлении Михаила Скопина-Шуйского, патриарха Иоакима. Более того, был сделан еще один шаг в осмыслении идеи смерти: сам факт кончины стал рассматриваться как причина для поиска святости. Здесь произошел уже выход за пределы официальной теологической системы к полуязыческим представлениям. Примером могут служить попытки канонизировать Василия Мангазейского и Иакова Боровичского (вторая, предпринятая Никоном, увенчалась успехом), в результате которых появились "жития", где вообще отсутствует описание жизни, о которой ничего не было известно, а завязкой действия служит обнаружение останков неизвестного человека.

В XVI-XVII вв. обнаруживается еще один источник, который мог "подпитывать" функционирование жанра - делопроизводственный. Наиболее ранний документ такого рода - отписка монахов Волоколамского монастыря царю Василию Ивановичу о кончине старца Кассиана Босого (1532 г.) [12]. Причем в этой "сказке" отмечаются лишь те моменты, которые составляли костяк повести о пре-

---

12. См.: Волоколамский Патерик. // Богословские труды. М., 1973. Т. 10. С. 219.

ставлении преподобного: исповедь и причащение "в совершенне разуме" и поучение братии. В 1666 г. в связи со смертью архимандрита Саввино-Сторожевского монастыря (фактической резиденцией царя Алексея Михайловича) Тихона, всеми соприкасавшимися с ним монахами были составлены сказки о последних днях его жизни [13]. Причина их появления очевидна: удостоверить, что смерть последовала от естественной причины. Важно отметить, что потребность в такой документации была сугубо сиюминутной, забот о сохранности быть не могло. До нас дошли лишь случайные образцы. Между тем, текст сказок 1666 г. исключительно совершенен, некоторые из них весьма литературны по форме, что свидетельствует об устойчивом бытовании таких документов. Упомянем также сказку постельницы Дарьи Постельниковой о смерти ее мужа [14]. Здесь, в основном, объясняется, почему перед смертью не было исповеди и причащения, причем из сугубо практического, хоть и суеверного побуждения: такая смерть вызвала подозрение, что умерший был кем-то "испорчен", а порча через вдову может проникнуть в царские хоромы.

* * *

Отметим, что название сочинения Алексея Михайловича [15], сохранившегося в копии, явно дано переписчиком : "список с статейного списка". Сам автор называл свое произведение "повестью" (12)

13. ЦГАДА СССР, Ф. 396. Оп. I. Д. 51378. Л. 13-15.

14. Там же, д. 14736. Л. 1-4.

15. Далее в тексте даны указания на страницы кн.: Собрание писем царя Алексея Михайловича. М., 1856.

(с.161). Произведение было написано в мае 1652 г. и послано Никону, возвращавшемуся из Соловецкого монастыря в Москву.

При разборе текста произведена разбивка его на двенадцать смысловых частей. Термин "статейный список", употребленный переписчиком, позволяет предположить, что и в оригинале послание было разбито на какие-то эпизоды.

Часть 1. Описываются события понедельника шестой недели Великого поста, когда совершалась церемония положения мощей патриарха Иова в Успенском соборе "в ногах у Иасафа патриарха" (с. 158). Во время обряда Иосиф попросил царя: "пожалуй де, государь, меня тут грешного погресть". Алексей Михайлович комментирует эту просьбу: после смерти Иосифа он вспомнил, "как мне приказывал, где велел себя положить", но тут же заканчивает фразу словами: "и место выпросил" /здесь и далее курсив мой – М.К./ (с. 158). Слово "приказывает" иронично само по себе, поскольку резко противоречит сути разговора, как ее передает царь, и вдвойне иронично в соседстве со словом "выпросил". Выпрашивание особенно компрометирует Иосифа, если учесть средневековую традицию, по которой подвижник-монах не только не заботится о месте своего погребения, но из смирения от погребения по чину вообще отказывался (как Нил Сорский). Эпизод выявляет не столько раболепство патриарха, сколько более тяжелый порок – гордыню, тщеславие.

Часть 2. Алексей Михайлович подробно комментирует предыдущий эпизод с другой точки зрения: "только дня не ведал, в который день Бог изволит взять" (с. 158). Тем самым Иосиф – с

точки зрения царя - нарушил характерную для жанра традицию; святой должен заранее узнавать время своей кончины. Например, Евфросин Псковский умер, "блаженный конец души своея проуведав и исход от тела" [16]. Еще двумя ремарками Алексей Михайлович обыгрывает неведение Иосифа. Оно, по мнению царя, тем более непростительно и не случайно (свидетельствуя о его не-святости), что патриарх смертельно заболел как раз с этого дня: "с тех мест и заболел лихорадкою" (с. 158). Святые же предсказывали свою кончину задолго до появления болезни, что и поражало окружающих, говоря о сверхъестественном источнике их прозрения. Вновь, как и в предыдущем эпизоде, Алексей Михайлович вставляет саркастическую ремарку, абсолютно противоречащую содержанию эпизода: "и мне, грешному, его святительские слова в великое подивление: как есть он, государь пророк, пророчествовал себе про смерть ту свою" (с. 158). Что Иосиф не пророчествовал о своей смерти - отмечено только что царем и очевидно читателю.

Что такой именно юмор - простой, быть может, но по сути именно иронический - характерен для Алексея Михайловича, видно из других его сочинений. Например, о шведском после царь писал: "таков смышлен - и купить его, то дорого дать, что полтина"; о захваченном городе: "крепок безмерно, а ров глубокой - меньшей брат нашему кремлевскому рву". [17]

---

16. Памятники старинной русской литературы. С. 98.

17. Цит. по: Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. Изд. 8. СПб., 1913. С. 412.

Часть 3. Эпизод охватывает время с понедельника по среду Страстной недели. Троекратно (что говорит о литературной обдуманности этого эпизода) у патриарха в разных ситуациях спрашивают о здоровье, и трижды он говорит, что вполне здоров. Здесь, во-первых, усиливается мотив неведения Иосифом о приближении смерти. Во-вторых, поскольку действие происходит именно на Страстной неделе, возникает скрытое противопоставление патриарха - Христу, который неоднократно в соответствующее "евангельское время" (литургически воспроизводимое на этой неделе) говорил апостолам о приближении своего смертного часа. Это противопоставление позорит патриарха - иерархического заместителя Христа. Возможно, что именно это совпадение - смерть патриарха на Страстной неделе - и побудило Алексея Михайловича написать такое произведение. Наконец, текст насыщен юмором абсурда: комично нежелание (неумение) Иосифа увидеть очевидное. Таковы все три его ответа на вопрос о здоровье, в которых первая половина фразы абсолютно исключает вторую:

"Есть де легче: прямая де лихорадка, и знобит, и в жар великой приводит" (с. 159) - причем выше ничего не сказано о возможном более тяжелом состоянии здоровья патриарха.

."Его де едва вывели, а говорит де: "Хорошо" (с. 159).

Особенно подробно описано третье "пытание о здоровье", устраиваемое самим царем. Болезнь всячески подчеркнута: Иосиф проходит мимо царя, не узнавая его; "вышел ко мне ... в самом злом знобу", "говорит с забытью". Более того, Алексей Михайлович прямо спрашивает патриарха: "такое-то, великий святитель, наше житие: вчерась здорово, а ныне мертвы; ...

не гораздо ли... недомогаешь?" Иосиф упорно, в третий раз отвечает: "чаю де, что покинет" (с. 160).

В этом эпизоде, кроме того, помещено замечание о том, что патриарх был "весь де черн на лице" (с. 160), - антитеза канону жанра, по которому у святого приближение смерти просветляет лицо. Даже в описаниях смерти князей ни разу, среди прочих болезненных симптомов, почернение лица не называется. Это всегда симптом не болезни, а греха. Например, в "Повести о Земском соборе 1613 г." о Д.Т.Трубецком сказано, что, когда он потерял надежду стать царем, "лице у него ту с кручины почерне и паде в недуг" [18].

Часть 4. Алексей Михайлович обращается к Никону с просьбой простить грех: царь не уговорил Иосифа написать духовную. Алексей Михайлович исчерпывает тему неведения Иосифа о близости смерти. Он подчеркивает, что видел, как лихорадка стала и "впрямь смертная" (с. 161), оправдывается бесполезностью уговоров: патриарх де "помнит: вот де меня /царь - А.М./ изобьет"; "он и без памяти" (с. 161).

Часть 5. Описывается исполнение Алексеем Михайловичем и Иосифом чина прощения, положенного в Страстную среду. Здесь обыграно беспамятство патриарха. Благословив царя во второй раз (первый при встрече), он говорит: "Ино су я тебя и в другорядь благословлю", на что Алексей Михайлович с открытой насмешкой замечает: "Благослови и третицею" (с. 162).

Часть 6. Описывается причащение Иосифа в Великий Четверг, когда литургически воспроизводится Тайная Вечеря, и патриарх, подобно Христу, причащает собравшихся. Здесь Алексей

18. Станиславский А.Л., Морозов Б.Н. Повесть о Земском соборе ~~соборе~~ 1613 г. // Вопросы истории. 1985. № 5. С. 95.

Михайлович обыгрывает уподобление патриарха и Христа. Что такое уподобление было традиционным, видно из фразы царя в другом письме к Никону того же времени: после смерти Иосифа "церква вдовствует,.. сетует по женихе своем" (с. 153). Женихом же Церкви в православии традиционно именовался Христос в соответствии с метафорами "Евангелия"[19]. В этом эпизоде царь прямо прибегает к шифру, который он вводил в литературный текст, к примеру, в "Урядинке" (зашифрованные диалоги сокольников) или в посвятительной надписи на колоколе Саввино-Сторожевского монастыря. Фразой, указывающей на шифрованный характер текста, являются, по нашему мнению, слова о келейнике Ферапонте, присутствовавшем при обряде: "и тот трех не смыслит перечесть, таков прост, и себя не ведает, а опричь того отнюдь никого нет" (с. 163). Здесь содержатся три намека: 1) кто, в отличие от Ферапонта, умеет считать - т.е. читатель - должен это умение использовать; 2) сам Ферапонт в этот счет не входит, являясь фигурой нулевой - "себя не ведает"; 3) считать следует присутствовавших при обряде - эти лица перечислены абсолютно все. При подсчете выясняется, что в келье с патриархом были 12 человек. При этом перечень разделен на две части. До исповеди пришли: 1) сам царь; 2) архиепископ Рязанский; 3) протодьякон; 4) духовник патриарха; 5) Иван Кокошилов (и келейник Ферапонт) (с. 163). После исповеди подошли: 6) архиепископ Казанский; 7) архиепископ Вологодский; 8) архимандрит Чудовский; 9) архимандрит Спасский; 10) архимандрит Симоновский; 11) архимандрит Богоявленский; 12) протоиерей Мокей (с. 164).

---

19. См.: Новый Завет, Матф. 9.15, Откр. 21.9.

Таким образом, патриарха причащали I2 человек - по числу апостолов. В довершение аналогии, Алексей Михайлович упоминает, что духовный отец патриарха "на час вышел" и "причащали без него" (с. I65) - т.е. один из двенадцати покинул "вечерю", подобно Иуде. Евангельское событие и запечатлевший его обряд здесь переворачиваются: не Христос причащает апостолов, а наоборот. Это, конечно, не столько юмор в современном понимании слова, сколько характерный для средневековья смеховой элемент. И сам обряд, как подчеркивает царь, проходил не в полном соответствии с нормой: "причащали его власти без риз, в мантиях без клобуков" (с. I65). И все это время патриарх по-прежнему был без памяти.

Исповедь Иосифа, описанная в середине этой части, не может быть признана нормальной и приличной. Патриарх "тупо понавливается", "хочет молвить, да не может" (с. I64). Это антитеза стандарту описания преставления, когда монах или святитель не только исповедуется со слезами, но и поучает собравшихся. Алексей Михайлович подчеркивает, что старался ввести Иосифа в колею этикета: "И мы со архиепископом кликали и трясли за руки те, чтоб промолвил, - отнюдь не говорит" (с. I63). Подчеркивает он и сознательное нежелание Иосифа исповедаться, записывая реплику духовника патриарха: "Не смею де итти /исповедовать - М.К./, станет де кручиниться" и свой ответ: "Хотя б де бил тебя, и ты б де шел к нему" (с. I63).

Часть 7. Здесь текст наиболее, пожалуй, откровенно ориентирован на литературный канон. Описывая соборование, царь замечает: "Не упомню где, я читал: перед разлучением души от те-

ла видит человек вся своя добрые и злые дела" (с. 166). Уже П.Бартенев указал один из самых ранних источников этого поверья: слово Кирилла Туровского (с. 197). Французский исследователь Ф. Ариес, посвятивший специальную монографию отношению к смерти в Средние Века, отмечал утверждение в ХУ-ХУП вв. представления о том, что "судьба каждого решается на ложе смерти, вокруг которого, согласно гравюрам того времени, собираются высшие силы.., с одной стороны, и сатана с демонами с другой... Бог выступает в этих сценах не столько в роли судьи, сколько в роли наблюдателя, ибо от того, как ведет себя умирающий в свой последний час, зависит, где окажется его душа: в раю или в аду"[20]. В повестях о преставлении преподобных появление высших сил у ложа умирающего вызывает просветление, - ведь совесть святого чиста. Поведение Иосифа, как его описывает Алексей Михайлович, прямо противоположно, это поведение глубоко грешного человека, страшащегося суда, видящего, что им готовы завладеть демоны: "почал хорониться и жаться добре в угол; походило добре на то, как кто кого бьет, а кого бьют, тот закрывается" (с. 166). Подразумевается, что Иосифа бьют невидимые бесы, он уже начинает проходить адские муки. Алексей Михайлович и здесь помещает ключ к расшифровке эпизода, призванный отмести физиологическое толкование и утвердить мистическое: диалог с духовником патриарха. На реплику царя: "Видит отец наш /Иосиф - М.П./ некакое виденье" духовник отвечает: "Нет де.., в непамятье так смотрит". Но царь делает ему выговор за слепоту: "Сам не знаешь, что говоришь"

20. Арсеев А.П. Реферат кн.: Ариес Ф. Человек перед лицом смерти.., с. 181.

и обращается к собственному духовнику: "Видит некакое виденье", на что получает согласие: "Видит де нечто" (с. 166).

Часть 8. Описывается вечер Великого четверга, получение известия о смерти патриарха. Ужас и тревога, с которым оно встречено, огромны: "потому что кто преставился!" (с. 166). Однако это саркастическое преувеличение, и Алексей Михайлович вставляет фразы – и не одну – дающие понять, что здесь речь идет не об искренней, а об иронической скорби. Прежде всего, он употребляет совершенно неуместное слово "отбыли" (патриарха) (с. 167). Он подчеркивает, что скорбь вызвана не кончиной именно Иосифа, а отсутствием его преемника в важнейший момент литургического года: "Прежнего отца и пастыря отстали, а нового не имеем" (с. 167). Вообще здесь активнее, чем в других эпизодах, употребляется сниженный стиль: "со страху и ужаса ноги подломилися" (с. 167).

Эпизод завершается обращением к Никону с уведомлением о преемнике патриарха. Вряд ли можно, как это делали Бартенев и Платонов, всерьез считать таким кандидатом Феогноста, названного в сопровождающем текст письме к Никону (с. 153). Думается, что вопрос о назначении Никона был уже твердо решен, и прав был К.Н. Бестужев-Рюмин, считавший, что "намеками ("обирать на царство именем Феогноста", т.е. известного Богу) царь давал ему /Никону – М.К./ знать, что желает его на патриаршество" [21]. И в начале этого произведения Алексей Михайлович указывал, что

21. Русский биографический словарь. Т. 2. СПб., 1900. С.24-25.

Никон будет выполнять функции патриарха: гробница Иова "не заделана для свидетельства; почели было свидетельствовать, да за грехи наши изволил Бог отца нашего патриарха взять в вечное блаженство, и теперь все стало. Ожидаем тебя к свидетельству," (с. 158).

Часть 9. Описывается перенос тела в церковь и чтение над ним псалтири. Здесь обыгрывается то же поверье, которое в "Братьях Карамазовых" вызвало толки о "протухшем" старце. Святость умершего выявляется в нетлении и даже благоухании его тела. Алексей Михайлович вновь строит эпизод на антитезе канону жанра. До переноса в церковь труп патриарха "немерно хорош", "таков хорош лежит во гробе, только не говорит" (с. 168). Но, оказавшись в месте святом, тело начинает пухнуть, гнить, источать гной. Царь долго расписывает отвратительные подробности: "вознесло живот" (с. 169), "грыжа то ходит прытко добре в животе" (с. 170), "нежид /гной – М.К./ от пошел изо уст, и из ноздрей кровь живая" (с. 170), "страшен в лице том стал" (с. 170). Вместо того, чтобы собирать миро, Алексей Михайлович приказывает "провертеть в ногах, – и шел нежид во всю ночь, точмя шел" (с. 171). Труп действительно протухает, и притом сверх всякой меры: "ладон столбом идет, а духу того не задушит" (с. 171). [22]

---

22. Напрашивается предположение, что Алексей Михайлович намеренно приказал ускорить похороны, устроив их в Великую субботу, а не на пасхальной неделе (с. 171). В оправдание свое, царь писал: "человек /труп – М.К./ сырой, – а се не вылежал, не выболел; блюлись де долго не хоронить" (с. 171). Если бы похороны были отсрочены всего на сутки, то патриарха хоронили бы по особо торжественному и праздничному пасхальному чину.

Часть 10. В описании похорон акцентирован тот же момент тления: лицо покойного было закрыто, "целовали мы в пелену да в руку" (с. 171), причем Алексей Михайлович поясняет: "мы – малодушнии, тотчас станем осуждать да переговаривать; для того и не открыли лица" (с. 171). П.Бартенев сопроводил это комментарием: "По сильному и раннему разложению и ныне некоторые заключают о дурной жизни покойника, приписывая то особому наказанию. Царь осуждает такие суетные толки" (с. 203) [23]. Комментарий наивен и неточен: Алексей Михайлович сам разделяет это мнение, он только не хочет, чтобы патриарха осуждали все, для того и приказал выпустить гной, закрыть лицо. Он остерегается греха осуждения, но не отрицает греховности Иосифа, засвидетельствованной тлением. Алексей Михайлович хочет быть великодушным, что возможно лишь по отношению к провинившемуся.

Часть 11. Описание общей скорби по умершему. Сейчас слишком мало известно о конкретных взаимоотношениях в придворной среде, чтобы оценить интонацию этой части. Настораживает, однако, что Алексей Михайлович называет всего четыре имени людей, которые "всех пуще" "перервались плачучи" (с.174) [24].

---

23. Ср. сцену из повести о преставлении Иова Столпа: "Едва [illegible]тие возмогоша приступити к одру, на нем же лежа, целовати его, нестерпимыя ради вони от него и лютаго злосмрадия". – Памятники старинной русской литературы. Т. 4. С. [illegible]

24. Выше царь упоминает, что любимец Иосифа игумен Новинского монастыря "первой поехал от него /гроба – М.К./ домой". Пре-дательство слуги – не лучшая характеристика господина, [illegible]-зывающая, что Иосифа не любили даже любимцы.

Если эти лица недоброжелательно относились к Иосифу, то упоминание о них делает описание скорби ироничным, лицемерным, [25] как и завершение текста - уверения в том, что царь не хотел "скидывать" (с. 175) патриарха. Кстати, отрекаясь от желания снять Иосифа, Алексей Михайлович замечает в свое оправдание: "Хотя бы и еретичества держался /?! - М.К./, и тут мне как одному отставить без вашего собору" (с. 175). Однако, нет сомнения, что подготовить соответствующий собор было бы можно...

Часть 12. Завершается послание описанием распоряжений Алексея Михайловича по наследству умершего. Здесь надо отметить, что вряд ли бы царь стал посылать Никону такой отчет, если бы не видел его преемником Иосифа. Кроме того, даже в этом - сугубо финансовом - документе - Алексей Михайлович не обошелся без "шпилек" в адрес покойного. Это, прежде всего, подчеркивание беспорядка, в каком находилось имущество: недостаток, даже отсутствие описей и "записок" (в упоминавшемся деле о смерти архимандрита Сторожевского монастыря все деньги покойного были рассортированы в идеальном порядке по наследникам). Алексей Михайлович подчеркивает скаредность Иосифа: "а какое ... к ним /вещам - М.К./ строенье было у него... в ум мне, грешному, не вместится: не было того судна, чтоб не впятеро обернуто бумагою или киндяком. А князь Юрьева Шулешева рухлядь... пищали и

---

25. Можно предположить только, что В.В.Бутурлин, упоминающийся в числе плакальщиков, не был сторонником Иосифа: за месяц до смерти патриарха он стал главой Приказа Большого Дворца, сменив Н.А. Львова, поддерживавшего консервативную линию патриарха. (См.: Русский биографический словарь. Т. 3. СПб., 1908. С. 541.

сабли, - и те все смазаны" (с. 176). Алексей Михайлович упоминает, что Иосиф "деньги ... копил", и даже продавал жалованные ему и подносные ткани "да денги по оценке за всякой аршин имал в келью" (с. 179). Царь описал и раздачу "милостыни" патриаршим слугам. Крайне необычно, что Алексей Михайлович роздал всем по десять рублей - "и последнему /т.е. низшему по должности - М.К./ то же дал" (с. 181). В завещаниях обычно раздача милостыни тщательно дифференцировалась, и, думается, царю нетрудно было поступить в соответствии с неписанными стандартами и прецедентами. Он предпочел подчеркнуть, что "потому и милостыня нарицается, что всем ровна" (с. 181). Без сомнения, высшие чины патриаршего двора получили меньше, чем могли бы рассчитывать по завещанию, и вправе были роптать на Иосифа, не озаботившегося этим. Что недовольные были (и, может быть, недовольные не только размером милостыни), Алексей Михайлович подчеркнул в своем обращении к слугам Иосифа, причем он опять (как и в случае с закрытым лицом умершего) не оправдывает патриарха, а призывает простить его грехи: "А не слушаете моих слов, от роптания не уймэтесь, ему, святителю, ничего не сделаете, токмо душам своим сотворите вечную погибель... А он, великий святитель, отец наш, аще и кого и <u>по напрасньству оскорбил</u>, и но мочно и потерпеть" (с. 181). Изложив свой призыв - "Уж что ни было, толко тепере пора всякую злобу покинуть, да молите и поминайте с радостью его" (с. 181), Алексей Михайлович тут же, в довершение повести, возвращается к скупости покойного, на этот применительно к слугам: "Роптанию большему было быть, потому что в конец бедны, и он, свет, у них жалованья гора здо много убавил" (с. 181).

* * *

Прежде, чем оценить подтекст, на существование которого указывает разбор "Послания", следует остановиться на одном принципиальном вопросе: мог ли Алексей Михайлович - христианин, и христианин средневековый - писать о смерти, о похоронах без благоговения и с каким-либо подтекстом? Могла ли его склонность к насмешке, несомненная по другим сочинениям, проявиться в связи с такой темой?

Современное отношение к смерти принципиально отлично от средневекового, и это может искажать восприятие такого специфического жанра, как повести о преставлении. Ф. Арнес говорил об исчезновении смерти "из картины эмоциональной жизни современного общества. Смерть, ранее вездесущая и всем знакомая, ... отныне становится постыдной и запретной. Делают вид, что ее как бы не существует. В основе этой тенденции лежит не столько стремление пощадить чувства умирающего, сколько попытка общества избежать картины смерти, ибо считается, что жизнь всегда счастлива, и ничто не должно нарушать этой иллюзии... Смерть, сделавшись табу, заняла место секса /табуированного в Средние Века - М.К./" [26].

В средневековье смерть не навевала расплывчатых размышлений о бренности всего земного. Она была переходом в новое качество существования, освобождением от власти "мира сего", началом Страшного суда. Страшна была не физическая смерть, а

---

26. Арсеев А.Я. Реферат кн.: Арнес Ф. Человек перед лицом смерти.., с. 184.

"смерть вторая", впервые упоминаемая в Апокалипсисе, - полное уничтожение личности на Страшном суде. Отсюда и деловое, жизненное отношение к смерти, которое может испугать человека Нового Времени: достаточно вспомнить обычай подвижников спать в заранее приготовленном для себя гробу (это делал, к примеру, Феодосий Новгородский). Весь жанр повестей о преставлении вдохновлялся идеей смерти как знамения, предвозвещения посмертного суда над душой. Поэтому автор повести о преставлении Иова Столпа разоблачил своего героя (или считал, что разоблачил) не богословской полемикой, а описанием его нечистой смерти. Такая позиция средневекового христианства резко противоречит возрожденному в наше время языческому принципу: "о мертвых либо хорошо, либо ничего", идущему от до-христианской Греции ("известен, между прочим, закон Солона, запрещавший хулить умерших" 27). Ярко проявилась эта позиция в распространенном обычае символической казни, совершаемой над трупом.

Но раз возможно в принципе охулить умершего, причем охулить именно за качество его смерти, то возможно было - в принципе - использовать смех, юмор как орудие хулы.

Мало увериться, что тема смерти была потенциально открыта для полярных, вплоть до юмора, подходов, что не существовало выраженного запрета на это. Был ли готов христианский

---

27. Овруцкий Н.О. Крылатые латинские выражения в литературе. М., 1969. С. 70.

юмор подойти к такой теме? И на этот вопрос надо ответить утвердительно. Ведь русская сатира, которую обычно характеризуют с точки зрения социальной как "демократическую", с точки зрения идеологической в ХУП в. была безусловно христианской. И "Повесть о бражнике", и "Служба кабаку" – это смелый смех, но смех средневековый, смех не над святыней, а над грехом и в защиту святыни. Даже когда этот смех направлен против церковной иерархии, он не направляется против церкви в целом, и – более того – из церкви исходит. Если "Служба кабаку" с целью, как теперь принято говорить, "антиалкогольной пропаганды" дерзко обыгрывает святая святых христианства – литургику, она делает это, не кощунствуя, но призывая к подлинной "службе" пьяниц. Путь такой естествен, ибо даже для пьяниц из всех литературных текстов самым известным был богослужебный. Для средневекового христианства это именно и характерно, потому что в Новое Время, в условиях "осадного положения", внешней и внутренней обороны христианства от ересей и атеизма слишком многое в нем было выведено в сферу неприкосновенного, отчуждено от обычной сферы бытия, табуировано. Но в ХУП в., когда "ограда церковная" еще охватывала весь мир, юмор неизбежно касался и литургики, т.е. темы вечной жизни и, тем более, темы смерти.

К сожалению, творчество самого Алексея Михайловича пока еще не изучено в достаточной степени [28], очевидно, из-за его социального положения. Что общие наши рассуждения приложимы

---

28. См.: Душечкина Е.В. Царь Алексей Михайлович как писатель (постановка проблемы). // Культурное наследие древней Руси. Истоки. Становление традиции. М., 1976. С. 184-187.

и к личности Алексея Михайловича, что ему был доступен "литургический юмор", видно из его письма к сестрам, писанном в Смоленске на Пасху 1654 г.: "А у нас Христос воскресе. А у вас воистинно ли воскресе?" [29].

Наличие в послании о преставлении Иосифа подтекста заставляет еще раз вернуться к вопросу о жанре этого произведения. Посланием его разумно считать, если оно носит чисто описательный, репортажный характер; если же в нем действительно есть "двойное дно", ориентация на жанр "повестей о преставлении", то именно повестью о преставлении его и следует считать. Но не является ли все же послание непосредственной, очень наивной, искренне благожелательной передачей событий? Может быть, совпадения с каноном литературного жанра - результат работы подсознания глубоко начитанного автора?

На это можно ответить словами де Сент-Экзюпери: "Не существует рассказов, есть только рассказчики... Непосредственной передачи действительности не бывает. Действительность - это груда кирпичей, из которой можно построить все, что угодно" [30]. "Повесть о преставлении" есть именно такой жанр, в котором документализм, конкретность описания, приземленность лексики сочетаются с устойчивым жанровым этикетом, под который действительность подгоняется. Алексей Михайлович следовал канону этого жанра очень строго, хотя и наполнял его

---

29. ЦГАДА. Ф. 27. Оп. I. Д. 9I. Л. I0.

30. Сент-Экзюпери А. де. Военные записки. 1939-1944. Художественная публицистика. М., 1986. С. 29.

противоположным по значению смыслом (не апологетическим, а хулительным по отношению к герою повести). Его произведение о многом умалчивает, а многое, относящееся не к действительности, а к позиции автора, добавляет. В ней описывается период в две недели - но очень выборочно. Комментарии его всегда язвительны: наименование Иосифа "пророком". Алексей Михайлович не просто описывает агонию, а подчеркивает ее аллегорическое значение, неблагоприятное для Иосифа. Загадочная фраза о келейнике, не умеющем считать до трех, не объяснима ни документализмом, ни искренностью. Наивно, скорее, считать Алексея Михайловича наивным - "тишайшим".

Конечно, единственным абсолютным доказательством ироничности рассказа о смерти Иосифа был бы отзыв на него, написанный в XVII в. Мы слишком привыкли к выделенности юмора и, особенно, сатиры и пародии в особый литературный отдел, и его маркированности издателями. К эпохе, когда юмор не был еще загнан в резервацию, надо подходить с максимальной открытостью.

Помимо тех - основных в структуре послания - моментов, которые несут ироническую окраску, есть еще ряд деталей, совершенно лишних с точки зрения "репортажности" и не совсем понятных. Возможно, и они имеют иронический подтекст, который когда-нибудь удастся прояснить. Это, например, упоминание о том, что на переносе мощей Иова было много народу и отсылка в связи с этим к зашифрованному событию: "старые люди говорят, лет за 70 не помнят такой многолюдной встречи" (с. 157). Это реплика Иосифа о значении Иова (с.158), это

описание спора патриарха с царем о местах (с. 160). Оставлен выше без комментария и ряд внелитературных моментов, связанных с отступлениями от обряда при похоронах Иосифа (чтение над покойным псалтири, а не Евангелия, задержка с колокольным звоном), поскольку невозможно однозначно приписать эти отступления воле царя. Однако само упоминание об этих нарушениях знаменательно.

Отметим главное: канон жанра повестей о преставлении соблюден вполне. Предугадывание смертного часа приписано патриарху, но сразу и опровергнуто. Описывается причащение, но патриарху отводится роль противоположная той, которую он должен исполнять как "жених Церкви". Описывается и исповедь - но "глухая". Описывается видение перед смертью - но мрачное. Описывается тело после смерти - но разлагающееся, а не благоуханное. Алексей Михайлович отмечает, что патриарх не произнес предсмертного поучения; о "последнем издыхании" не сказано ничего (может быть, поскольку царь при нем не присутствовал, но не исключено, что оно было "тихим", что не соответствовало замыслу автора).

Алексей Михайлович, в отличие от автора повести о преставлении Иова Столпа, не просто описывает уродливую, болезненную смерть грешника. Он при этом использует каноны, описывающие смерть праведника, но аккуратно к каждому канону делает комментарий, меняющий цвет с белого на черный. Назвать минус плюсом, а затем сразу объяснить, что это минус - метод, конечно, простой, ирония здесь не изощренная, но она

оказалась достаточно хитрой, чтобы ввести в заблуждение С.Ф. Платонова, который отметил, что "вряд ли Иосиф пользовался действительно любовью царя", но в описании его преставления увидал лишь "своеобразную прелесть", "душевную деликатность, нравственную щекотливость и совестливость" автора [31].

Сочинение Алексея Михайловича существенно отличается от повести об Иове Столпе. Последняя есть как бы повесть об анти-смерти, там просто знак положительный всюду заменен на отрицательный. Алексей Михайлович пишет анти-повесть о смерти, он сохраняет гнезда, куда укладывалась положительная оценка, он даже сохраняет - декларирует - положительную оценку, но обязательно и всюду в эти гнезда вкладывает, добавляет еще и оценку отрицательную. Над самими "гнездами" он не смеется. Он ведет себя не как пародист, а как кукушка.

Цель его литературных усилий ближе всего к памфлету, как его определил Даль: "сильно нападающая на что, либо отстаивающая что статья, отпечатанная отдельной книжечкой, тетрадкой" [32]. Алексей Михайлович не рассчитывал, естественно, на напечатание повести. Он облек ее в форму послания, писал, как сейчас говорят, в стол. Но именно современный опыт подсказывает, что не полиграфия определяет жанр. Алексей Михайлович, как многие таланты, писал без надежды на опубликование, чтобы удовлетворить себя, высказать накопившееся, по-

---

31. Платонов С.Ф. Лекции.., с. 414-415.

32. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 2. СПб.; М., 1882. Т. 4. С. 14.

казать свое умение самому себе и близкому другу.

Чтобы убедиться в двойном смысле повести о преставлении патриарха Иосифа, мы располагаем как бы эталоном: посланием Алексея Михайловича о смерти князя Одоевского, которое написано через полгода после повести об Иосифе (21 ноября 1652 г.) и адресовано отцу покойного. Вот здесь Алексей Михайлович не позволяет себе никаких двусмысленностей и очень точно расставляет все акценты. Подчеркнуто, что перед смертью князь причастился в полном сознании и умилении: "Как учели его разкликовать, чтобы причастить, и он взглянул и увидел священника с причастием, и учел говорить: никако де недостоин, ей де в суд себе приимаю". Эта фраза сначала кончалась словами: "и слезы пролил также", но потом Алексей Михайлович переправил их на: "слезы пролил безмерные" [33]. Конечно, ничего "документального" в эпитете "безмерные" нет. К словам: "и он с час говорил: недостоин, со слезами и с великим покаянием" Алексей Михайлович прибавил: "и говоря много" [34], подчеркнув сознательность причащения, почти намекнув на предсмертное поучение. Благостно описана и сама кончина: "Причастили в третьем часу дни, а преставися в пятом, а после причастия отнюдь ничево не молвил, как есть уснул: отнюдь ни рыдания не было, ни терзания" [35].

---

33. Записки отделения русской и славянской археологии императорского русского археологического общества. Т. 2. СПб., 1861. С. 704.

34. Там же.

35. Там же.

Такую же детальную правку проводил Алексей Михайлович в "Сказании об успении Богородиць", которое он же, скорее всего, скомпилировал [36]. И здесь он обнаруживает себя изысканным и точным стилистом.

Оценивая значение "Повести о преставлении патриарха Иосифа" для истории жанра, следует отметить, что выворачивание жанровых канонов свидетельствует и об их устойчивости, законченности, и о приближении их смертного часа. Алексей Михайлович, безусловно, не ставил себе задачей пародировать жанр. Для него литературная игра - полемический прием, свидетельствующий о литературном мастерстве и духовной нескованности автора. Алексей Михайлович показал себя как читатель Средневековья и как писатель Нового Времени.

---

36. Белокуров С.А. Сказание об Успении пресвятыя Богородицы, правленное царем Алексеем Михайловичем. // Белокуров С.А. Из духовной жизни московского общества XVII в. М., 1902. С.3-28.